

ВНУТРЕННЯЯ АКТИВНОСТЬ ШКОЛЫ

Дело школы, как она сознает себя издревле, неприметно для человека и верно заместить собою материнскую утробу, дать такое представление об окружающем мире, в котором человек мог бы сразу быть доверительно-активным деятелем. Школа мотивирует нелегкий учебный труд видом на какое-то ремесло, профессию. Но каждое дело, лежащее в основе профессии, кроме технических приемов содержит некий идеальный уровень, общий подход, извлечение из мировоззрения данного народа, его культурное предание. Под прикрытием профессионального обучения школа, таким образом, внушает человеку сумму необходимых духовных ценностей. Она называет человека: кто он, показывает цель работы поколений, открывает нравственный закон в человеке как чудо его природы. Все это — необходимое конкретное решение основного противоречия человека: между его телесным началом и духовной природой его личности.

По заданию личности человек необходимо изображает собой безусловную сущность и в то же самое время действительно существует как простая вещь физического мира, — этот парадокс В. И. Несмелов описывает следующим образом: «По содержанию же этого сознания он естественно вступает на путь религиозного мышления и естественно пытается раскрыть тайну сознания в себе свободы, при фактическом подчинении внешней необходимости, и тайну сознания себя как цели, при наличном существовании в качестве невольного средства к обнаружению и развитию одной из многочисленных форм бесцельной мировой жизни, в познании своих отношений к Богу как истинному Первообразу своей личности».

Итак, школа, возвращающая человека в его целостности, должна истинствовать о нем. В силу же общественной обусловленности школьного дела школа может истинствовать лишь постольку, поскольку общество, которое ее содержит, способно удержать истину и жить по истине.

В данном рассуждении речь идет о нашей христианской эпохе. В центре ее — явление в мире Того, Кто по пророчеству действует на фоне «пререкания языков», совершая общее спасение через Свою Церковь. Церковь — Тело Христово, новорожденное в крестной смерти и Воскресении. Его творение ново, несравнимо, невыводимо из предшествующего опыта естественных религий, живет Духом Святым, действующим в Церкви многоразличными дарованиями. Каждое действие в Церкви исполнено Христом (ср. Еф. 1:20—23) независимо от «стихий мира», может иметь смысл и значение в малых формах, в отдельных лицах или малых группах, когда Духом возбуждено «и хотение и действие» (Флп. 2:13).

Таким местом в определенное время может стать школа. Она, движимая неким усердием, может в своей деятельности открыться как Христова Церковь. Это значит, что для ее деятелей встанет вопрос о Православии в практическом плане. Значит, хотя бы точно, в отдельных

предметах или способах воспитательской культуры должна возникнуть на месте архаических идеологий школьного дела новизна реальности наследия Христова в человечестве.

Не надо думать, что речь идет о знаниях по Священной истории или православной догматике, составляющих отдельный предмет — Закон Божий. Речь идет о взыскании и услышании голоса Божия в каких-либо актах школьного процесса. Современная школа — порождение Нового Времени, — строго содержит идеологию деизма: Бог, если Он и есть, не допускается до участия в земных процессах и человеческих делах. В этих условиях присутствие Закона Божия как одного из учебных предметов, есть курьез; его несогласованность по основному смыслу с прочими дисциплинами не может не разрушить всего целого школы. Даже если преподавание Закона Божия будет одушевлено каким-либо замечательным подвижником веры, раскол будет тем только усугублен. Школьные знания, как внешние, будут признаны нужными лишь до времени, чтобы затем быть просто заброшенными. Или, наоборот, вера будет признана лишь терпимой в каких-то обновленных, свободных от невежества формах. Но чаще возникает некое безответственное сознание, эклектичное, вяло избегающее твердых и непротиворечивых решений.

Вместо сего в формирующее человека целое школы может быть положено единое основание — Христос. Положено сначала в имени-названии-посвящении школы, а затем в отыскании тех точек, где может быть осуществлено исповедание православной веры без явного противостояния сложившимся формам и типам школьного производства. Именно это чувство необходимости и возможности встречи с чудом проявления Христовой истины Церковью в наличном мире именно в пределах института школы хотя бы в каком-то моменте ее наличного бытия мы называем принципом внутренней активности.

Где же реальное пространство действия этого принципа, где возможна точка приложения активности веры в школе? Это прежде всего представление об учащемся как о носителе обновляющей Благодати, данной ему в таинствах св. Крещения и св. Миропомазания (ср. 1 Ин. 2:12—14). Это представление о том, что такой человек имеет иную природу, нуждается в особом воспитании и развитии. В нем особенно значим, как бы «вопиет» дар детства, о котором Спаситель сказал: «если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное» (Мф. 18:3). С такими находится общий язык, решаются воспитательские проблемы в свете общего им и учителю благоговения.

Всякая школа воспитывает ребенка к порядкам и потребностям мира, каков он дан здесь и сейчас. Активность православной школы требует возвышения над порядками мира, в котором, по слову св. апостола Иоанна, «нет любви Отчей»; «и мир проходит, и похоть его, а исполняющий волю Божию пребывает вовек» (1 Ин. 2:15,17). Вечное есть новая мера, которую надо обнаруживать и творчески применять. Это верный критерий взращивания характера, способ становления личности ребенка.

Одновременно такое педагогическое творчество есть исполнение заповеди о благовестии Евангелия всему миру (Мк. 16:15). Это также утверждение о праве владения землею кроткими и о полном неприятии, неслиянии с суеящимся и облегающем землю злом.

Так найденная позиция создает расширяющуюся область православной педагогической культуры. Ее понятной задачей выступает, например, тщательная работа над словом. Это приведение слова к его Богодарованному свойству истинствования, организация речи как этически заданной и управляемой совестью, это доверие к языковой личности, развертывание речи от сердечной избыточности, чувство языка в целом как верховного наставника в заданиях риторики. В целом это противодействие внешней агрессии, которая под силу лишь православной школе и требует от нее творческой активности. Таким же жизненно важным делом может быть развитие культуры построения художественного образа, возрождение и воспитание символического мышления. Эти и многие другие темы, дающие глубочайшее удостоверение в истине, обнаруживаемой и познаваемой верой, могут быть высказаны впоследствии, когда возникнет круг единомысленных коллег, ставших на путь естественного проникновения иных концепций, содержаний и методов в традиционный состав школьных дисциплин. Можно лишь добавить, что там, где в школе возникает такая инновация, впервые всерьез возникает школа как самоценный, воспитывающий знанием и строго образующий человека тип духовного делания. Тут источник тишины и исцеления.

Создание таких школ и попечение о них, как думается, есть достойное и обнадеживающее направление деятельности Церкви. Именно на этом поле сходятся интересы и конкретные дела, в которых осуществляется миссия Христовой Церкви, ощущается действие благодатных сил, формируется общественное сознание. Для самой же школы важно вырваться из мертвенного тела деистических хитросплетений, запинаящих совесть верующего человека, и дать место Богу, приоткрыв для себя и свидетельствуя окружающему миру о «неисследимом богатстве Христовом» (Еф. 3:8). Именно это (а не корректировка программ по Закону Божию) может стать свойством православного образовательного учреждения, заставит относиться к нему как к авторитетному институту, несущему понятную и желаемую миссию.

Опубликовано: *Воспитывающее образование: Сборник научных статей.* М., 2007, с.22-26.